

ОЛЛИ СЕРЖ

СРИТВОРИСЬ МОЕЙ
ЖЕНОЙ

Олли Серж

Притворись моей женой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67572758

Аннотация

Спасаясь от бывшего мужа, я вынуждена уехать в другой город и принять неприличное предложение местного депутата стать его фиктивной женой. Он презирает женщин, как вид. А я больше не планирую пускать мужчин в свою душу. Но жить под одной крышей и отказаться друг от друга оказывается не так просто.

– Бесишь ты меня, Аня. И рот у тебя слишком дерзкий. – Его горячее дыхание обожгло щеку и заставило мурашки разбежаться по телу. – Даю тебе три секунды, чтобы спрятаться или я за себя больше не отвечаю. Раз... – сильные руки легли на стену по обе стороны от моей головы, отрезая все шансы на побег. – Два... – чуть шершавые пальцы сжали подбородок и развернули лицо, заставляя посмотреть в ледяные глаза. – Три... – прошептал в самые губы, и дальше разум окончательно меня покинул.

Содержание

Глава 1. Спи, моя гадость, усни...	4
Глава 2. Новая жизнь	9
Глава 3. Дополнительная нагрузка	17
Глава 4. Неприятная встреча	23
Глава 5. Взаимные претензии	30
Глава 6. Все могут «короли»	35
Глава 7. Легенда	45
Глава 8. Полный финиш	50
Глава 9. Не плюй в колодец...	55
Глава 10. Незваные гости	61
Глава 11. Уговор дороже денег	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Олли Серж

Притворись моей женой

Глава 1. Спи, моя гадость, усни...

Аня

– Вот признай, Анька, – заплетающимся языком пытается философствовать бывший муж, – что ты просто бездарность! Ма-хро-вей-ша-я... – С трудом выговаривает слово по слогам.

Делает несколько глотков дешевого пива из бутылки и характерно рыгает, выпуская алкогольные пары.

«Господи!» – прикрываю глаза. Меня едва заметно передергивает. Крепче стискиваю пальцами тарелку и мыльную губку, чтобы не уронить в раковину и отсчитываю про себя минуты действия снотворного. Давай уже, спи ты, ради Бога!

– А чего это ты мне не отвечаешь? – Угрожающе тянет Николай. – Или правда глаза колет? Саму петть не взяли, так ты людей учить пошла?

– Я никого не учу петть, – устало отзываюсь сквозь зубы. – Я, если ты забыл, врач.

Начинается!

– К мужу лицом повернулась! – Взвизгивает Горбунов за моей спиной так громко, что я вздрагиваю.

Вот уж кому-кому, а Николаю мои профессиональные навыки никогда не требовались. Шикарный, редкий контрактор. Который почему-то после окончания консерватории решил, что зарабатывать себе на сытую жизнь пением – скучно. А вот кино – это другое дело.

Но актерский талант Николая оказался мягко говоря слабоват. А уже выросшее на уникальности голоса эго просто не смогло смириться с «несправедливостью» провалов на кастингах. Горбунов переругался со всеми знакомыми, кто мог ему помочь, предлагая начать с ролей второго плана.

Спустя год мне стало просто стыдно приходить на работу. Перманентно безработный муж был должен денег всем. Неудачи заливались алкоголем, негатив сливался в меня, как в унитаз похмелье. Коллеги, устав ждать свои деньги назад, начали записываться ко мне на приёмы и аккуратно намекать о неприятности сложившейся ситуации. Суммы были немаленькие. Я возвращала долги, как могла. Пока на свой день рождения, получив очередную порцию оскорблений вместо подарка, не поняла, что наш с Николаем брак опустился на дно. Кончился. Потонул в беспробудном творческом кризисе.

Поднимаю глаза на бывшего мужа и блокирую приступ брезгливой тошноты, перехватывая основание горла рукой. Грязные волосы, щетина, заляпанная кетчупом футболка и

семейные трусы... Куда делся тот яркий, талантливый парень, который пришёл ко мне на приём после того, как первый раз сходил на футбол и сорвал голос перед выпускным экзаменом? А потом красиво ухаживал и пел арию Ленского под балконом.

И самое обидное то, что, Николай отчасти прав. Я действительно мечтала после колледжа культуры поступить в институт на отделение эстрадно – джазового вокала, но в итоге не добрала баллов для бюджета. Поддержать кроме бабушки меня было некому, а она до изжоги не переваривала любые формы искусства (видимо, хватило моей мамы балерины) и запихнула меня в медицинский. Куда внучку светила нейрохирургия приняла с распростертыми объятиями. Только в выборе специализации я настояла на своём. Поближе к слуху, голосу, вокалу – отоларингология и фониатрия. Бабушка уже до этого не дожила...

– Ты, мать твою, оглохла? – повышает голос бывший муж, выдёргивая меня из мыслей. – Я спрашиваю, зарплату тебе дали или нет? – Заканчивает борзо.

– Завтра должны дать, – отвечаю тихо, уговаривая себя потерпеть последний раз.

Свидетельство о расторжении брака уже лежит в моей сумочке. Чемодан собран и спрятан в шкафу. Осталось только дожидаться крепкого сна.

За последние месяцы в мой адрес было высказано столько угроз, о том, что будет, если я вдруг захочу уйти, что мне

страшно собирать вещи открыто. А когда Горбунов проспится, меня здесь уже не будет.

– Мне нужно будет пятьдесят тыщ, – небрежно бросает Николай.

– Прости, – я тихонько балдею от его наглости. – А зачем тебе так много?

– Это – копейки, Аня! – взвывается со стула, но тут же ослабевшие колени возвращают его на место. – Хорошая одежда стоит дорого. А у меня кастинги! Товар лицом. Понимаешь, дура?

– Понимаю... – Поджимаю губы, чтобы не разрыдаться. – Только «товар» твой уже пол года как «потек». – Добавляю тихо и отворачиваюсь назад к раковине с грязной посудой.

– Ты там что-то сказала?

Моя голова автоматически врастает в плечи от истерично-агрессивного тона Николая. Неужели мало снотворного сыпанула? Или таблетки фальшивые? А у меня электричка уже через два часа...

– Кран говорю потек, – опасливо отзываюсь, чтобы не провоцировать конфликт.

– Ну так вызови сантехника! И не покупай больше колбасу палками. Сколько раз тебе говорить? Только нарезка! Устаю пока режу... И ты тупыми разговорами... бесишь...

Слышу, как бутылка пива падает и катится по столу.

Успеваю резко обернуться и подхватить ее на самом краю, предотвратив падение на пол.

Фух!

Ещё несколько секунд смотрю на хрюкающее во сне мужское тело, в прошлом именуемое моим мужем, и решительно выхожу из кухни.

Чемодан, верхняя одежда, документы, немного денег на сервант, чтобы сразу искать не начал. Все!

Ты, Давыдова, теперь свободная девушка! Хорошо, что фамилию девичью оставила. И будто не было двух этих лет брака.

Выхожу из подъезда и щурюсь от лаского майского солнышка. Хочется немного прогуляться. Я ведь так давно просто не гуляла! Чтобы без пакетов с продуктами в каждой руке, и чтобы не дай Бог домой не опоздать. Ведь от метро до квартиры идти ровно пятнадцать минут. Николай засекал... Ищи себе теперь другую дуру Горбунов. А я... Вот сейчас пойду и куплю себе мороженое. И съем его на улице языком. Потом ещё газировку буду пить прямо из горлышка бутылки. Бунт так бунт. Фониатры тоже люди.

Глава 2. Новая жизнь

Аня

– Ну рассказывай, София, – поворачиваюсь на кресле к семилетней девчужке, – как ты докатилась до такой жизни, что даже на родителей прикрикнуть не можешь?

– В том то и дело, что может! – Подкатывает глаза мать и, нервничая, мнёт руку дочери. – Вы понимаете, у нас концерт через неделю, а она сипит. И это – какая-то бесконечная чередка болячек. Только что не по ее, кричит так, что стёкла лопаются, а потом рыдает, что выступление срывается. Ну с этим бороться бесполезно, неврологи гиперактивность ставят. А тут ещё школа в первую смену. Сделайте что-нибудь. Может быть, какие-то спреи, таблетки...

– Так, стоп! – Останавливаю поток родительского сознания, в очередной раз понимая, что мой основной пациент не ребёнок, а мама, и поднимаю глаза на молодую блондинку. – Давайте разбираться по порядку. Вы ходите в музыкальную школу?

– Да, – активно трясёт головой. – И у неё так хорошо выходит, что бросать жалко, а врачи говорят, что слишком на-

грузка большая...

– Ясно. – Киваю. – На какие предметы ходите?

– Вокал, хор, танцы и фортепьяно. В следующем году ещё сольфеджио добавится, когда писать сами научатся.

– Понятно. Теперь давайте про гиперактивность. Ставят почему?

– Так на месте не сидит. Уроки по четыре часа делаем.

– София, у меня есть волшебное зеркальце, – обращаюсь к девочке, – ты разрешишь мне посмотреть твоё горлышко?

Кивает и послушно, даже почти привычно открывает рот. Мне хочется тяжело вздохнуть. Потому что все понятно уже на берегу. Направляю свет. Аденоиды. Брошенные, перманентно не долеченные. Девочка от неприятных ощущений ерзает на кресле.

– Не вертись, – одергивает ее мать. – Врачу мешаешь.

– Закрывай ротик. – Отпускаю ребёнка, проверяя лимфоузлы. – На самом деле, у вас не все так плохо, как кажется, – говорю мягко. – Я даже скажу вам больше. Скорее всего, никакой гиперактивности у вас нет. Все проблемы дают аденоиды и, как следствие, хронический недосып.

– Про аденоиды знаем, но нам их не удаляют! – Обречённо всплескивает руками.

– Давайте я вам немного расскажу, что происходит с вашей девочкой каждый день, – я терпеливо понижаю голос, делая его вкрадчивым. – Когда-то вы сильно переболели, сходили в садик, поймали на ослабленный иммунитет новый

вирус и снова сели дома...

– Я всего три месяца после декрета отработала, – перебивая, подтверждает мою версию мать, – и на бесконечные больничные села. Хорошо, что муж зарабатывает достаточно...

– Наложившиеся простуды спровоцировали увеличение носоглоточной миндалины, – продолжаю я. – Из-за это у ребёнка в лежачем состоянии может быть затруднено ночное дыхание, а в дневное время снижен слух. Как следствие плохого ночного дыхания у вас появился недосып. А с увеличившейся нагрузкой он перерос в усталость. Криком дети снимают напряжение. От крика воспаляются связки и теряется голос, который иногда восстанавливается за ночь, а иногда, как в вашем случае, пропадает на срок от четырёх до семи дней.

– Так и есть... – восклицает женщина. – Но это же какой-то замкнутый круг!

– Ну почему же, – подмигиваю поджавшей голову девчушке, беру бланк и, продолжая разговор, расписываю назначения. – будем лечиться. Список сейчас напишу, а, как общие меры – постарайтесь временно исключить повышение голоса, прежде всего не кричите сами, и хоровое пение.

– А почему нельзя хоровое?

– Детям до девяти – десяти лет вообще не рекомендуется петь в коллективе более четырёх человек. Иначе – они начинают друг друга перекрикивать, чтобы быть услышанными.

ми. Этого же требует дирижёр. Но силы у детей разные. Кто-то приболел, кто-то переел, кто-то стоит неудобно, а сказать побоялся. Вариантов – миллион. В соло такой проблемы нет. А ещё есть самое страшное и любимое у школьных педагогов музыки, – с улыбкой подаю женщине назначения, – пение сидя.

– Господи! Так много всего. – Забирает листок бумаги. – Я поняла. Мы постараемся, – берет дочь за руку.

В дверь кабинета раздаётся стук, и в дверном проёме появляется голова Ксюши.

– Последний? – Спрашивает одними губами, стреляя глазами в пациентов.

– Да, – киваю, – а что?

– Зайди ко мне потом! – Хитро подмигивает и закрывает дверь.

– Ну пока, София, – прощаюсь с девочкой. – Обещаешь не кричать и хорошо лечиться? Ты же хочешь стать певицей?

– Да... – отвечает сипло и, стесняясь, прячется за спину матери.

– До свидания... Спасибо. – женщина подхватывает сумку, и они выходят в коридор.

Бросаю взгляд на часы. Семь вечера. Фух. Насыщенный первый рабочий день выдался. Даже прогуляться по клинике и осмотреться сегодня не вышло. Ксюша говорила, что открылись они всего пол года назад, и первыми собрали такой большой штат врачей на одной территории. До этого в го-

роде были только государственные поликлиники и частные кабинеты. Снимаю халат, закрываю двери и поднимаюсь на второй этаж.

«Брягина Ксения Михайловна. Заведующая отделением.» – читаю табличку.

Ксюша всегда была пробивная, но после окончания ординатуры ей пришлось уехать из Москвы. Заболел отец.

Жму ручку двери.

– Ты одна?

– Заходи! – Машет мне. – Садись давай.

Подхватывается с места, достаёт из холодильника большой торт и тарелку с нарезанными фруктами. – Сейчас я тебя попытать буду.

– О! – Смеюсь, падаю на стул. – Вот только иголки в меня втыкать не надо. Я помню про твои увлечения.

– Зря смеёшься, между прочим, – заговорщицки понижает голос, закидывает в кружки пакетики с чаем и заливает их кипятком. – Бегемот просто в восторге от моих рук и игл. Работа у него нервная и возраст...

– А сколько ему? – Беру кусочек яблока и кладу в рот, вспоминая, что сегодня ещё не ужинала. Да и не обедала.

– Сорок пять! – подруга плюхает на стол чашки и выдаёт мне чайную ложку, – ну давай за его здоровье. Благодаря Бегемоту здесь с тобой сидим.

– Вот оно как... – снимаю пластиковую крышку с торта. – А тарелки будут?

– А зачем они нам! – Весело смеётся Ксюша и всовывает ложку в сливочную шапку. – Мы с тобой сегодня уже целовались. Обмен микробами произведён. Ешь с удовольствием.

– Артистка! – улыбаясь, повторяя действие подруги, отправляю ложку в рот. – Мммм... – прикрываю от удовольствия глаза. – Я такого вкусного торта давно не ела.

– Это у меня пациентка одна есть, – отпивает чай из кружки. – Хобби у неё. Ну расскажи мне. Как тебя твой «кот кастрированный» отпустил? Два года! Мама дорогая! – подкапывает глаза. – Я тебе тогда сразу говорила, чтобы мимо шла.

– Говорила, – грустно вздыхаю, – ну что теперь то об этом.

– Ты же квартиру у него забрала, надеюсь? – строго сверлит глазами.

А я опускаю свои в чашку.

– Неет? – от переизбытка чувств подруга вдыхает в себя воздух и начинает кашлять. – Ну дура, Господи, прости. Кхе-кхе. – делает несколько глотков чая. – Это значит, – грозно сдвигает брови, – ты шикарную квартиру бабушки продала, купила эту убогую, зато двушку и бывшему ее оставила?

– Ну двушка в браке уже куплена. – Вяло оправдываюсь. – Идёт, как совместно нажитое. А зачем мне ее половина?

– Так продай! – хлопает ладонью по столу. – Ну вы видели ее. Даже мне обидно.

– Я вообще адвоката хочу хорошего нанять. Чтобы полностью квартиру забрать. Но Николай просто так ничего не отдаст, – грустно усмехаюсь, – сама то еле ушла. Заявление

подавала и почтальоншу подговорила, чтобы она извещения судебные не отдавала. По неявке и развели, а то не дал бы.

– Ужас! – медленно облизывает ложку Ксюша. – Ты чего молчала то?

– Да стыдно было... – кручу чашку между пальцев и опускаю глаза. – Вроде семья, понимаешь...

– Бил тебя?

– Ох... – чувствую, как начинают пылать щеки. Но убеждаю себя, что признаваться не стыдно и киваю. – Один раз, правда, и это стало последней каплей. Он про мой день рождения забыл, а в театре цветов надарили. Один коллега подвёз. Николай в окно увидел и приревновал.

– Я в ауте... – припечатывает ладонью по столу подруга. – Даже что сказать не знаю.

– Расскажи мне про Бегемота своего, – с облегчением перевожу тему. – Почему ты его так странно называешь? И срок пять...

– Ой! – Ксюши тон становится небрежным, – его так весь город называет. Начальник пожарной охраны Богемный Матвей Дмитриевич. С отцом работал. А то, что взрослый дяденька – это плюс. Пенсионеров из управления трогают только в самых крайних случаях. Можно рожать и не дёргаться. Мы работаем над этим. О! – достаёт из кармана белого халата вибрирующий телефон. – Сейчас и познакомишься. Алло! – прикладывает телефон к уху. – Да, сейчас уже выходить буду. Хорошо. Только Аню до мой квартиры под-

везём. – Несколько секунд внимательно слушает и кивает. – Ну все. Ждём тебя.

– Спасибо, Ксюш, что разрешила у себя пожить. – Начиная смущаться своего положения. – Ты не переживай. Я сниму квартиру сразу после зарплаты.

– Так! – рывкает подруга. – Я у тебя пять лет прожила. И деваться мне было некуда. Поэтому... – добавляет шутливо-грозно, – даже не вздумай меня обижать. А если обидишь, Бегемоту скормлю.

– Хорошо, – киваю, расслабляясь. – Только меня не домой, а в магазин. Продуктов нужно купить.

– И кофейку купи на завтра, – Ксюша заходит за ширму и переодевается, – а то я все время забываю. В обед попью.

– Хорошо, – киваю, – мысленно представляя, как куплю сейчас пачку чипсов, пакет сока и завалюсь на диван с какой-нибудь мелодрамой.

«А если бы не ушла, – оживает в моей голове внутренний голос, – сейчас бы выслушивала, что бульон у тебя серый, а рис склеившийся...»

Все я правильно сделала!

– Ну пошли, – берет с вешалки сумочку Ксюша, – познакомлю тебя с настоящим мужчиной. Он, слава Богу, петть вообще не умеет. Зато как гаркнет, – делает страшные глаза, – даже я слушаюсь.

– Это аргумент, – улыбаясь, выхожу из кабинета вслед за подругой.

Глава 3. Дополнительная нагрузка

Борис

– Да не кипятись ты так, Борис, – голос в трубке затягивается сигаретой, а мне кажется, что я чувствую вкус никотина у себя во рту. Издевательство. – По партийным спискам ты чист, как стёклышко. Местный праймериз – вопрос решённый. Цирк один. Твоё дело бабушек очаровывать и годок в депутатском кресле просидеть, а после, как все уляжется, я тебя назад заберу.

– Легко сказать, Федор Григорич, «не кипятись», – устало откидываюсь на спинку стула и тру лицо.

– Команда у тебя лучшая. Завтра познакомишься. Профессионалы. Денис – толковый работник. Просто свети лицом и умно говори – все, как умеешь, – в трубке раздаётся покрхтывающий хохот. – И баб местных не трогай.

Нервно перекидываю трубку от одного уха к другому. Не до смеха вот мне сейчас!

– Я все понял... – резко прерываю хорошее настроение своего собеседника.

– А ну тихо! Не я из нас двоих любитель с полоумными

стервами отношения выяснять, — трубка рывкает на меня в ответ. — Я за тебя вписался, карьеру не застаиваешь, а ты мне помогаешь. Работу торгового центра контролируешь. Мне сейчас палить бизнес категорически нельзя. Не подведи.

— Ты прав, Федор Григорич, извини, — я вздыхаю, — Нервы — ни к черту.

— Коньячку бахни и на бочок. Ну бывай.

— Спасибо... — сбрасываю вызов и обвожу глазами свой новый кабинет.

Не «вау», конечно... Скрип кресла под задницей подтверждает впечатление. Крашеные стены, пенопластовый потолок, фикус и кулер в углу. Прямо офисный депутатский минимум. Стол завален планами и документами по торговому центру Жирова. На полу рядами стоят короба с листовками.

Какой же дурак ты, Басов. Ведь мог бы сейчас сидеть не здесь, не в этом Богом забытом городишке, а в офисе в центре Москвы. С хорошим ремонтом, кофе, кондиционером и прочими благами цивилизации.

Это все чертова Марина со своими выходками. Злость на бывшую вскипает с новой силой. Какого вот ты решил из «мисс плейбой» мать для ребёнка сделать? Воспитывать? Идиот.

И, кстати, где мой кофе?

Оборачиваюсь к двери, чтобы позвать Дениса, но слышу, что в приемной что-то происходит. Мне сейчас чудится или? Да ладно...

– Господи, Басов! – В дверном проёме появляется голова бывшей гражданской жены, – Ну и в дыру ты залез.

Большой короб закрывает проход в кабинет, а я не спешу помогать ей его отодвинуть.

– Ну помоги же! – Марина с раздражением толкает плечом дверь, – у меня самолёт через четыре часа.

– Какое мое дело? – Я прищуриваюсь, наблюдая, как мой личный помощник Денис растаскивает коробки по углам и освобождает бывшей проход.

Дверь открывается настежь. Я лениво оборачиваюсь к потерявшей всякую совесть бабе лицом и готовлюсь к очередному раунду ядоразбрызгивания.

– Предупреждаю! – Победно зыркает на меня своим смоки-айзом. – Я здесь с телохранителем.

Набираю воздух в лёгкие, чтобы ободрать заразу со всех сторон, но неожиданно за ее спиной вижу сына, сиротливо сидящего на чемодане в форме красной машины.

– Я не понял... Где Галина Васильевна?

– Что ты не понял, Басов, – с издевкой, – сына не признал? Так, давай по делу. У Василия температура. Болит горло. Я думала взять его и Галину с собой в Сан – Тропе. Но няня заболела вчера вечером, а сегодня – Вася. Его просто не пустят в самолёт. Ты же знаешь, что у меня по контракту не должно быть ни детей ни мужа. Куда его девать?

– Ты совсем себе перекисю мозги сожгла? – Я вскипаю от ее тупых рассуждений, – у тебя ребёнок болен, а ты едешь

купальники рекламировать?

– Ну тебе же это не мешает людям лапшу на уши вешать! – Марина отмахивается от меня и кладёт на стол папку. – Здесь документы Василия. Ну что ты дёргаешься? Найми ему няню! Он послушный парень...

– Марина, – рявкаю, – ты же мать!

– А ты – отец, – парирует, не моргнув глазом, – Так, хватит! – Вскидывает руки вверх. – Это тебе сидеть в тёплом кресле до старости можно, а у меня век ограничен. Ещё лет пять. Максимум – шесть.

Стискиваю руки в кулаки, потому что мне нестерпимо хочется попортить этой дряни весь «фасад», наведённый за мои деньги. Но неожиданно, ловлю воспалённый взгляд сына и резко осекаюсь.

– Вали отсюда, – шиплю так тихо, чтобы слышала только Марина, – работай «причинным местом».

– Какой же ты сноб, Басов, – она подкатывает глаза. – Ну ей Богу. За тебя потому и голосуют, что ты на уровне лавочек дворовых завис.

– Пока, Василий, – разворачивается и, покачивая бёдрами в тугой красной юбке, подходит к сыну. – Выздоровливай, – прижимается щекой к голове ребёнка, целуя воздух.

Я считаю про себя до сотни, как когда-то, пока мы с Мариной были вместе. Треснуть ее хотелось регулярно. Всегда сдерживался. Только один раз не выдержал и засунул крашенную дуру в ванну. А эта зараза поскользнулась, разбила

себе скулу и заявление накатала в полицию, решив использовать меня как пиар – ход. Да, поэтому сейчас я здесь. Ещё и отступных ей отдал несколько миллионов.

Выдыхаю только когда Марина скрывается в коридоре и подхожу к Василию.

– Ну привет, сын... – неловко глажу по голове, чувствуя пальцами, что он весь пылает. – Денис!

– М? – Он вытаскивает из ушей наушники и поворачивается ко мне лицом от окна. – Вы что-то мне говорили? Я решил немного самоизолироваться, чтобы вас не смущать, – жмёт плечами.

– Это сын мой, – киваю на Ваську. – Поступает нам в дополнительную нагрузку. Нужно организовать ему горячий чай, жаропонижающее, няню и найти лора хорошего. Есть тут какие клиники частные?

– Хмм... – тянет Денис, – на тему няни и врача сестре позвоню. У неё дочери семь. А чай сейчас сделаем.

Забирает чайник и уходит из приемной в небольшую кухню за стенкой.

– Ты чего молчишь, Васька, – испытывая неловкость от того, что, наверно, первый раз за пять лет мне приходится самому принимать решение по сыну, не опираясь на мнение профессиональных няней и пусть отвратительной, но все-таки его матери, присаживаюсь на корточки и заглядываю ребёнку в глаза.

– Говорить больно, – сипит мне в ответ.

– Дела... – качаю головой, – сейчас ты чайку попьёшь, выпьешь таблетки, а потом мы с тобой к врачу ходим. Годится?

– Спать хочется... – Васька косится глазами на кожаный диван, – можно я полежу?

– Конечно...

Подхватываю сына на руки и несу к «мягкому уголку».

– погоди, не засыпай только, – трясущимся пальцем трясущего ребёнка за плечо, – таблетки нужно выпить...

Но Васька отключается, полыхая щеками. Сажусь рядом, откидываюсь на спинку и прикрываю глаза. Час от часу не легче.

Глава 4. Неприятная встреча

Аня

– Тебе салат брать? – Ксюша резво заполняет наши подносы едой.

Я чувствую себя немного растеряно в длинной очереди людей возле раздаточных столов. Мне кажется, что выбирать здесь что-то дольше двух секунд считается дурным тоном или неуважением к поварам, поэтому просто соглашаюсь на все предложения подруги.

– Ксюш, – говорю совсем тихо, – Может быть, мы просто в кафе пойдём?

– Ой, перестань, – она отмахивается. – Поверь мне, что лучше, чем в столовой администрации, в нашем городе нигде не кормят.

Я поднимаю глаза на бесконечный ряд строгих костюмов и белых воротничков перед собой. Наверно, это действительно так. Иначе, сюда бы не ходили.

– У тебя пропуск есть? – спрашиваю, не понимая, как могли пустить посторонних в такое место.

– Вообще, – Ксюша забирает с полочки две тарелки солянки, – У нас по всей стране в любой государственной сто-

ловой можно свободно пообедать. Даже в ФСБшной. Просто мало кто знает об этом. А тем временем, – подруга зыркает на меня хитрыми глазами. – Посмотри какой здесь контингент самцов. Отборнейшие.

– Мы сюда вообще-то есть пришли, – я сердито фыркаю. – А не смотрины устраивать.

Не глядя, тянусь рукой за последним стаканом с томатным соком и сталкиваюсь на стекле с мужской ладонью. Пытаясь, опередить соперника, дергаю свой сок в сторону и чувствую, что мужская ладонь делает тоже самое. Сок разливается под мужское:

– Черт!

Я в панике смотрю на рукав белой рубашки, залитый красными пятнами и отдергиваю свою руку, чтобы вытереть ее салфеткой.

– Извините, пожалуйста, – говорю искренне, оборачиваясь на мужчину.

Меня встречает пара голубых презрительных глаз. Не дождавшись встречных извинений, поспешно отворачиваюсь и беру с другого подноса компот из сухофруктов.

– Если вы везде такая же неуклюжая, – раздаётся над моей головой грудной, хорошо поставленный голос, – то у вас нет ни малейшего шанса, – заканчивает с издевкой.

– Что простите? – Я ошарашено поворачиваюсь к мужчине и теперь осматриваю его с головы до пояса.

Хорош. Самец, как говорит Ксюша. Короткая стрижка, по

которой хочется провести ладонью и почувствовать идеальный колючий «ёжик», высокие скулы, волевой подбородок, слишком пухлые для мужчины губы. Он без пиджака. Поэтому, ничто не мешает увидеть под рубашкой тренированное тело. Хороший кожаный ремень...

– Отработать стоимость рубашки, – ехидный тон выводит из замешательства. – Слишком дешёвая спланированная акция. Я люблю женщин с более оригинальной фантазией.

– Чтоооо? – Кричу шёпотом, начиная закипать. – Да как вы вообще смеете? Хам! Между прочим, стоило просто проявить банальную вежливость к женщине и уступить ей сок. Тогда ваша рубашка осталась бы белоснежной!

Внутри меня прямо клокочет. Ну какой нахал. Резко отворачиваюсь от него, чувствуя, как мой высокий хвост лупит ему по лицу. Господи!

Ускоряюсь в след за Ксюшей, которая уже подошла к кассе. Теперь нас с мужчиной разделяет несколько человек в очереди. Обойдусь я без компота. Водички попью.

До самого столика я не смотрю по сторонам, чтобы случайно не наткнуться на хама и не спровоцировать продолжение перепалки.

– Ты чего дёргаешься? – Ксюша отправляет ложку солянки в рот.

– Да мужика одного облила соком в очереди, а он решил, что я специально, – нехотя отвечаю подруге. – Не знаю, с чего ты решила здесь обедать. Нервные все. Громкие. Ругаются.

– Не обращай внимания, – небрежно отмахивается подруга. – Это просто выборы у них скоро. Вот и грызутся за места на билбордах, за эфиры, в общем за все, откуда можно головы людям позабивать. А как все закончится, опять будут рыбалку и строителей своих дач обсуждать. Скукота.

– Понятно, – перевожу взгляд за плечо подруги и снова вижу своего неприятного знакомого.

Он обедает один. Это очень странно, потому что все остальные занимают столы большими компаниями. Вообще, этот мужчина действительно сильно выделяется из общей массы местных чиновников. Костюм дороже, больше лоска, больше высокомерия. Ест вилкой и ножом. Тарелки составлены на стол с подноса.

– Это он что ли? – хитро поигрывает глазами подруга, оборачиваясь на моего обидчика, – хорош, десять баллов.

– Не смотри ты на него! – Испуганно шикаю на подругу, боясь, что мужчина заметит наш нездоровый интерес, но поздно.

Он уже поднимает свои ледяные глаза, прищуривает их и с ухмылкой, показательно делает глоток томатного сока из стакана.

Аппетит моментально пропадает. Чувствую себя какой-то дешёвой женщиной. Точно! Голову простреливает догадка. Ведь он мог слышать, что говорила Ксюша про самцов и принял нас... О... за Бог знает кого!

Пылая щеками от смущения, втыкаюсь в свою тарелку.

– Мы сюда завтра ещё раз придём. – Говорит уверенно Ксюша. – Надеюсь, что персонаж не женат.

– Я лучше из дома буду контейнер брать, – отвечаю с набитым ртом. – Или голодать. Не нужны мне, Ксюш, мужики. Я ещё от Николая не отошла. Спасибо.

– Не говори глупости, – авторитетно вгрызается в котлету подруга, – с правильным мужиком женщине всегда проще. И вообще. Самое главное правило знаешь какое?

– Какое? – Отзываюсь со вздохом.

– Если тебя обидел мужик, то и помощи надо искать у мужика. Отец, брат, друг и так далее. Кто имеется.

– Нет уж, спасибо... – бурчу себе под нос.

Только под конец обеда, заметив, что столик, за которым сидел мой обидчик, пуст, я смогла с удовольствием доесть чай с запеканкой.

– Ксюш, ну давай уже, – тороплю подругу, которая выводит губы помадой, глядя в зеркало заднего вида. – У меня запись на два часа. Нехорошо опаздывать.

– Скажешь, что у начальницы была, – подмигивает Ксюша, прячет помаду и втыкает ключ в зажигание. – А красивую женщину всегда меньше ругают, – смеясь, встраивается в поток машин, – Вот накрутилась и можно смело не только соком обливать, но ещё и суп за шиворот.

– У тебя прокатывается? – Я хитро прищуриваюсь, вспоминая вчерашнее знакомство с грозным Бегемотом.

– Мне и придумывать ничего не надо, – кивает головой

подруга, – само выходит. Поэтому, губы крашу всегда заранее.

– Пряма семейная философия, – хихикаю, – не поверю, что Матвей может кого-то наказать.

– Не, он – крутой тип, если его достать. Каждый день по грани хожу, – Ксюша ловко паркуется между двумя машинами. – Кстати, парковаться научилась сразу после того, как Бегемот рывкнул. Так, ого! – Чуть задирает рукав и смотрит на часы. – А вот теперь бежим. Время два пятнадцать.

Быстро заходим в здание клиники. Я немного нервничаю и снова чувствую себя студенткой, когда из-за Ксюхи, мы постоянно опаздывали на пары. Забираю ключ от кабинета у администратора и заворачиваю в свой коридорчик.

– Через минутку можете заходить, – бросаю через плечо в сторону очереди.

– Вы ещё и безответственны, – слышу за спиной голос от которого по позвоночнику пробегается дрожь, а ладони становятся влажными.

Оборачиваюсь и вижу своего неприятного знакомого из столовой. Рядом с ним стоит маленький мальчик. Понимаю, что говорить и оправдываться глупо. Он знает, где я была и почему опоздала.

– Я прошу прощения. – Нервно сглатываю. – Приём сейчас начнётся.

На лице мужчины появляется ухмылка.

– Открывайте поскорее свой кабинет. Мы ждём уже пят-

надцать минут.

Глава 5. Взаимные претензии

Аня

– Какие сутки держится температура? – Направляю свет мальчишке в горло и не вижу ничего такого, что могло бы так его подкосить.

Чувствую себя крайне неудобно под тяжёлым взглядом своего нового знакомого.

– Первые, кажется. – Он хмурится. – Вы просто скажите, чем лечить и все. Зачем задавать вопросы, тратить драгоценное время, когда факт болезни очевиден, – нервно подглядывает на экран телефона и сбрасывает звонки. – У вас же все по протоколам, даже думать не надо!

– Чем уже лечитесь? – Великодушно игнорируя его умозаключение, беру листок бумаги, чтобы написать назначения. – Есть ли на что-то аллергия?

– Понятия не имею, – он с раздражением разводит руками.

– Борис Дмитриевич, – я читаю имя мужчины по данным на карте. – Может быть, вы позвоните маме мальчика, – кладу ручку на стол и поднимаю глаза. – У ребёнка фарингит, но судя по зажиму складок он имеет не только вирусную, но ещё

и психологическую причину.

Он молча достаёт телефон и скользит пальцами по экрану.

«Какие красивые у него руки...» – отмечаю про себя, но тут же даю мысленную затрещину. – «Нашла на кого пялиться, Аня. Хам, отвратительный отец а, учитывая деятельность, ещё и человек так себе.»

До меня доносятся тягучие гудки.

– Алло, Басов, – раздаётся в трубке капризное. – Говори быстро, если звонишь по делу. Я вся в жидком загаре, если высохну неровно, то придётся перекрашивать.

Бросив на меня обвиняющий взгляд, отец мальчика отходит к окну.

– Мы с Васей у врача. Тут интересуются, есть ли у него аллергия, как давно повышена температура, и не было ли стрессов?

– Ну откуда мне знать! Позвони няне и не мешай...

– Марина! – Неожиданно он рывкает так громко, что мы с Васей вздрагиваем. Видимо, Марина не пожелала вести диалоги о сыне и положила трубку. Бормоча ругательства, Басов отводит телефон от уха.

Пытается ещё несколько раз набрать номер, но ему никто не отвечает.

Мальчик, ерзая на стуле, привлекает к себе внимание.

– Мне только мёд нельзя, – говорит сиплым шёпотом. – Галина Васильевна мне с блинами давала, и я потом чесался. А мама с папой совсем не дружат.

– Понятно, – отвечаю ему, понижая голос, – а кто такая Галина Васильевна?

– Няня...

– Прошу общаться с ребёнком только через меня! – Агрессивно прерывает наш диалог Борис, а Василий вжимает голову в плечи.

Я впиваюсь осуждающим взглядом в мужчину, мысленно недоумевая, почему вообще у таких «так себе» родителей рождаются обычно прекрасные дети.

– Знаете что... – закипая от несправедливости ситуации и обиды за ребёнка, тоже повышаю голос. – Вам стоит всерьёз пересмотреть принципы воспитания сына, а также жизненные приоритеты. Вы знаете, что основная часть детских болезней имеет психосоматический характер? У вас тот самый случай. В частности, больное горло – это невозможность высказать свои обиды и мнение родителям.

– Вы точно врач? – он прищуривается. – А то несёте какую-то оккультичную чушь, вместо того, чтобы просто выписать ребёнку таблетки! Тратите мои деньги. Между прочим, сегодня вы уже стоите мне почти пятьдесят тысяч рублей вместе с испорченной рубашкой! Меня уверяли, что в этой клинике собраны лучшие врачи города, но, видимо, придётся подкорректировать состав, – заканчивает угрожающе.

– Хорошо, – я киваю, – сейчас напишу вам подробное лечение.

Размашистым, немного нервным почерком заполняю бланк с двух сторон, ставлю печати и подаю.

– Пожалуйста! Прочитайте, может быть, будет что-то не понятно или слова незнакомые, – не сдерживаясь, заканчиваю ехидно.

Отец мальчика пробегаётся глазами по листу бумаги. Я вижу, как вздрагивают его ноздри, губы растягиваются в оскал, а по скулам начинают ходить желваки. Но остановиться больше не в моих силах.

– Значит, чай с малиной, почитать сказку, обнять, дать жаропонижающее и посмотреть вместе мультики?

– Другого лечения у меня для вас нет, – развожу руками. – Антисептики вам не нужны, а практически все леденцы имеют исключительно отвлекающий характер и содержат в составе мёд, на который у вашего сына аллергия.

– Я все понял... – зло цедит сквозь зубы. – Советую вам купить бубен, цветастую юбку и искать новую работу!

Хватает мальчишку за руку и ведёт к двери.

– Всего хорошего! – Отзываюсь ему в тон. – Когда будете решать вопрос моего трудоустройства, не забудьте, что органы опеки не дремлют.

Ответом мне служит смачный хлопок двери. Кошмар... С колотящимся от адреналина сердцем тру руками лицо. Что вообще на тебя нашло, Аня. Ну неужели первый раз непутевых родителей видишь? Да полно их было. Почему сцепилась то? Ещё и при ребёнке.

Встаю с кресла и подхожу к кулеру с водой. Пока наливаю стакан, замечаю, что руки дрожат. Что если этот хам правда сможет помешать моей работе? Ксюша, конечно не даст в обиду, ей мне не нужно доказывать свою профпригодность. Но этот Басов явно небедный и непоследний человек.

В дверь раздаётся стук.

– Можно? – в проёме появляется тучная немолодая женщина.

– Конечно, – киваю, – проходите, пожалуйста.

Глава 6. Все могут «короли»

Аня

– Так, Калерия Львовна, во сколько вы обычно ужинаете?

Лично мне даже не нужен ответ на этот вопрос, но пациента всегда стоит подводить к выводам и решениям плавно.

– Ну вот пара последняя у заочников в восемь часов заканчивается. Плюс время на дорогу и что-то быстро приготовить. Муж тоже со слушаний поздно возвращается. Около девяти вечера садимся за стол.

– А потом сразу спать?

Уточняю со вздохом.

– Ну какие-то дела, в душ, и да. Получается, что едим перед сном. Но как связан режим моего питания с чисто профессиональной проблемой? Я – уже пятнадцать лет, как педагог. – Сипит на надрыве женщина. – Попробуйте два часа подряд говорить на аудиторию в сто человек.

– Я понимаю, – мягко соглашаюсь, – но потеря вашего голоса совершенно никак не связана с перенапряжением. Я вижу на ваших складках рефлюксный ожог. Если вы на минуточку задумаетесь, то сможете провести параллель между днями острой болезни и продуктами, съеденными на ужин.

Во все остальное время удаётся отделаться першением и утренним кашлем.

По серьёзному лицу женщины видно, что мои предположения бьют точно в цель.

– То есть вы хотите сказать, что если я буду ужинать на пару часов раньше, то моя проблема уйдёт сама собой? – Переспрашивает недоверчиво.

– Именно так, – качаю я головой. – К тому же уйдёт лишний вес и наладится обмен веществ.

Телефон на столе загорается экраном и начинает вибрировать. Машинально читаю сообщение.

Ксюша: «Срочно зайди!!!!!!!» – Какие красноречивые восклицательные знаки.

Сердце разгоняется. Чувствую, что причина паники – никто иной, как Басов Борис Дмитриевич.

– Хорошо, – голос пациентки отвлекает от телефона. – У меня завтра конференция. Есть ли хоть какая-то надежда восстановиться за сутки?

– Самое главное – покой, – отрываю листок из блокнота и пишу название лекарства. – Никакого хлеба, орехов, кислых соков и им подобного. Вот это лекарство рассасывать каждые два часа в течение суток. – Подаю назначение женщине вместе с картой. – Надеюсь, что все получится.

– Спасибо, – она встаёт со стула и немного манерно подхватывает сумочку. – Все хорошего.

Выходит в коридор, а я беру в руки телефон, гоняя в го-

лове варианты оправданий собственного поведения. Сейчас у меня между пациентами окно в пятнадцать минут. Сделать вид, что была занята, не получится. Придётся идти.

– Можно? – Стучась, заглядываю к подруге в кабинет.

– Нужно! – Она подсказывает из кресла и начинает менять шагами расстояние от окна до стола. – Ну зачем ты ему начала опекой угрожать? – Всплескивает руками.

– Ксюш, да сама не знаю, – моментально понимаю о ком речь и расстроено пожимаю плечами. – Прямо завёл меня.

– А у него предвыборная кампания на носу, – она хватается со стола листок бумаги и несёт мне. – На, вот, полюбуйся. То хрен у них что подпишешь, а тут приказ за десять минут сострепали. – Падает в кресло. – И я ничего не могу сделать! – Психуя, хлопает ладонями по столешнице.

Я пытаюсь прочитать текст. Руки трясутся, а буквы расплываются.

– «... отстранить от работы на срок до шестидесяти календарных дней...» – зачитываю в слух, чувствуя, как голос проседает.

– Ох... – я стекаю на ближайший стул. – Может, просто надо извиниться, – спрашиваю с надеждой. – Или расписку о неразглашении написать. Да не нужны мне его секреты. Не может мужик с женой и сыном справиться эка невидаль!

– Все. Главный подписал. – Отзывается подруга. – И мне ещё по шее выдал. Скажи спасибо, что просто в отпуск отправили. Я как могла... Не думаю, что его устроит расписка.

– Чего делать то? – Я с отчаянием смотрю на бумажку в своих руках. – Снова переезжать? Так хотела тихонько подзаработать, чтобы адвоката лучше нанять.

Обида на весь мужской род подкатывает к горлу комом и начинает першить в горле.

– Ну вот и как теперь быть? – всхлипываю.

– Ну не реви, – хмурится Ксюша. – Я поспрашиваю у знакомых. В стоматологию куда-нибудь пристроим тебя медсестрой. Зарплата, конечно, так себе. Но временно – пойдёт.

– Вот честное слово, – стираю пальцами с щёк слёзы. – Вот кто мог подумать, что этот мужик такой гад. А ты ещё говорила, что в столовую придём... – бормочу себе под нос.

– Так это ещё и из столовки? – Выкатывает глаза подруга. – Ну ты везучая, ничего не скажешь!

– Я думала, ты его видела. – Шмыгаю носом.

– Да нет, конечно. – Ксюша разводит руками. – Мне главный позвонил и огорошил.

– Прямо сейчас уходить? – Уточняю растеряно. – Там ещё два пациента по записи.

– Иди, отдохни, – вздыхает подруга, – Вечером позвоню тебе, скажу по стоматологиям. Пока посижу пообзваниваю.

Выхожу из здания клиники и оглядываюсь по сторонам. Домой совсем не хочется. На душе плещется какое-то неудобоваримое чувство.

«Разве это справедливо?» Чтобы вот так взять и натоптать грязными ботинками в чужой жизни. А если бы у меня были

дети? Да разве птиц такого полёта могут волновать обычные люди? – Да его даже собственный ребёнок не волнует! Чего о других то речи вести. Побольше положить себе в карман – вот он основной смысл жизни.

Почему-то подобные персонажи в моем воображении всегда выглядят, как Скрудж Макдак, который занывает по утрам в собственную сокровищницу на заставке диснеевского мультлика. Этаким жирный селезень столичного откорма... Главная абсурдность моего положения в том, что я никогда бы не стала жаловаться в опеку. Ну на сам деле – это не тот случай. Миллионы детей в нашей стране живут в более грустных условиях. Любовь... ну подумаешь, зато сыт и образован.

Меня, конечно, прямо разрывает от внутреннего гнева, но писк светофора возвращает в реальность и заставляет переключить внимание на проезжую часть и прохожих.

Справа от перехода расположен небольшой парк. Решаю, что я вполне заслужила антистрессовую терапию в виде уличного фастфуда. Обедать же как-то нужно. В мобильном барбекю покупаю себе кукурузу на палочке, сажусь на лавочку, и только я с наслаждением вгрызаюсь в сочную, слегка подсоленную мякоть, как в сумочке начинает звонить телефон.

Со вздохом сожаления вытираю салфетками пальцы и принимаю вызов. Этот игнорировать ни в коем случае нельзя. Иначе...

– Господи, доченька! – Мамино визгливое второе сопрано разрывает мои перепонки, и я делаю динамик потише. – Мне только что позвонил Николай и сказал, что ты пропала без вести! Сменила телефон! Ой мамочки, – она говорит без остановки и переходит на французский, – Пьер, дорогой, принеси воды. Все хорошо, да. – Снова переходит на русский, не давая вставить мне даже слова. – Твой водевильный хмырь, значит, окончательно допился. До белочки! Чуть до инфаркта не довёл меня. Говорит, что по твоему номеру ему включается автоответчик и предлагает кастрировать кота со скидкой по промокоду «брысь».

На этом месте мамино словесного потока меня разрывает смехом. Ай какая я молодец. Настроение ползёт в верх.

– Мам, мамочка, – отсмеявшись, пытаюсь ее прервать. – Я на самом деле ушла от Николая. А в его телефоне изменила всего две цифры в своём контакте, чтобы не звонил. Сейчас гощу у подруги. Ты извини... – делаю паузу. – Как-то не хотелось тебя волновать.

– Что значит не хотела волновать? – Бушует мама. – Немедленно прилетай.

– У меня все хорошо правда, – говорю, как можно убедительнее.

Мамин муж Пьер очень не любит, когда его спокойный мир нарушают дети. Даже взрослые. В мои шестнадцать он просто вызвал меня в кабинет и открыто сказал о том, что был бы рад, если бы я поискала себе съемное жилье. Что го-

тов его оплачивать, в том числе и учебу в колледже, но попросил, чтобы мама не знала о нашем договоре.

Она и не узнала. Я решила, что хочу уехать к бабушке в Россию. Деньги Пьера, конечно, не взяла. Детский максимализм счёл это предательством, а мама... Она очень любит Пьера, а он ее – свою музу. Они подходят друг другу.

– Аня! – Рывкает трубка. – Я надеюсь, что ты не беременна. Не вздумай от него рожать.

О Господи! Меня откровенно кривит. Даже десять лет в Париже не сделали маму тактичнее.

– Нет, мама, – отвечаю с нажимом. – У меня все хорошо. Помощь не требуется. Просто не выдавай Николаю меня. Скажи, что не дозвонилась. Как дела узнала в соц. сети. Как у вас дела? – Лихо перевожу тему. – Как новая коллекция Пьера?

– О, все прекрасно. – Тут же забывает о моих проблемах мама. – Каблук на мужских туфлях вообще вызвал настоящий фурор. Кстати, ты знала, что местные мужчины очень любят быть чуть ниже своей женщины. Поэтому Пьер создавал сразу парную историю... – мама щебечет, а я чувствую, как с моего плеча плавно спадает ремешок сумки.

Далее следует резкий рывок, я падаю спиной на лавочку и больно бьюсь лопаткой.

– Мне пора! – Сбрасываю звонок и наблюдаю, как мою сумку с документами и последними деньгами уносит человек в чёрной худе.

В моей правой руке – телефон. В левой – кукуруза. Что же я сижу! Подскакиваю с лавочки и, крича что-то из серии: «Украли! Ловите! Люди!», разгоняюсь следом за вором.

Мне везёт. Народу становится больше, а дорожки уже. Моему грабителю приходится ощутимо сбросить скорость, да и внимание на него начинают обращать более активно.

Сердце колотится, ветер свистит в ушах. Хватаю воздух жадными глотками, ощущая покалывания в левом боку. С уроков физкультуры так быстро не бегала.

Грабитель сворачивает на параллельную аллею. Я – следом. А дальше – происходит просто что-то невероятное. Моего обидчика одним рывком ловит мужчина в дорогом красивом костюме и в три точных движения скручивает, укладывая лицом на брусчатку.

Я подбегаю к своему спасителю.

– Спасибо, спасибо, спасибо вам! – Лепечу, задыхаясь.

Поднимаю с земли свою сумку, которую вор пытался выкинуть, поняв, что попался. Проверяю содержимое, и только после вижу, что на помощь моему спасителю подоспели какие-то мужчины, а он сам приближается ко мне. Слышу щелчки затворов фотоаппарата. Ну люди! Им бы лишь бы сфотографировать, когда другому плохо.

– С вами все хорошо?

Молодой мужчина останавливается от меня на комфортном расстоянии двух шагов, а я, как дурочка, только крепче обнимаю свою сумку и киваю в ответ. Отмечаю про себя, что

мой спаситель молод. Строгий костюм делает его старше, но глаза искрят наглостью и харизмой.

– Хотел сказать, что нам с вами нужно сейчас решить важный вопрос.

– Какой? – Я хлопаю глазами, на секунду решая, что мужчина захочет попросить вознаграждение.

– Вашему обидчику всего шестнадцать. Если мы с вами вызовем полицию, то его, вероятно, посадят.

– О! – Я растеряно кошусь в сторону возни на брусчатке, и теперь действительно вижу, что из-под бесформенного худи торчит тощий паренёк.

– Вызываем? – Жмёт интонацией мужчина.

– Э... Нет, наверно. – Голова начинает идти кругом.

– Виктор Семёнович, все подъехали! Ждём! – Окликают моего спасителя.

– Ну тогда мои коллеги паренька немного припугнут, и отпустят с миром. Согласны?

– Да, – киваю, – Спасибо большое...

Неудачливого воришку уводят к дороге и сажают в чёрный джип, а «Виктор Семёнович» направляется под деревья цветущих вишен, где его ждёт много людей и аппаратуры.

«Модель?» Я провожаю его взглядом, а может быть, реклама. Уже успокоившись окончательно, я понимаю, почему моему обидчику сегодня не удалось убежать. На этой ветке аллеи брусчатка полностью снята, и ведутся ремонтные работы. А если б не они, и не этот «в костюме»... Даже думать

об этом не хочу. Тогда я бы была достойна звания «неудачница месяца».

Ощущаю резкую боль в локте, разворачиваю руку, и вижу, что все-таки разбила ее пока падала. Нужно где-нибудь найти аптеку и промыть. Мало ли что. А пока просто антибактериальными салфетками протру. И сумку тоже.

Глава 7. Легенда

Борис

– Ваш главный конкурент, – моя пиарщица со странным именем «Ариель» щёлкает клавишами на ноутбуке, выводя на экран фотографию молодого парня, – Вильдяев Виктор Семёнович. Двадцать семь лет. Молодой кандидат экономических наук. Популярность – бешеная. Имеет активную социальную позицию, помогает решать городские проблемы. Последний проект – обустройство центрального парка. Холост, харизматичен. В продвижении предпочитает «взрывной пиар» и «вирусный маркетинг». Опасен тем, что популярен среди молодёжи и рабочего населения...

– Так, погоди, – перебиваю говорливую девицу. – Что такое «взрывной пиар» и «вирусный маркетинг»?

– В прошлом году, – ее пальцы быстро стучат по клавиатуре, – чтобы привлечь внимание к проблеме содержания животных в местном зоопарке, он запустил в супермаркеты по всему городу енотов и забил порталы с вакансиями их анкетами под девизом: животные ищут работу. Таким способом Вильдяев находит спонсоров молниеносно. Соответственно, ведёт социальные сети и активно общается с подписчиком.

Веталь, – она окликает своего напарника и по совместительству технического гения, – покажи нам его аккаунты.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю на свою «лучшую» команду. С первого взгляда может показаться, что цирк уехал, а клоуны остались. Личный помощник, который будто валерьянки надрался, «вырви глаз» с розовыми волосами Ариель и угловатый, тощий очкарик Веталь. Говорят, что на самом деле он – владелец самой большой сетки фэйковых аккаунтов.

– Вот, – тот самый компьютерный гений тычет мне свой телефон под нос, – пять тысяч подписчиков, бешеная активность в комментариях.

Я забираю из рук парня смартфон и скролю пальцем по экрану.

– Такое чувство, что он, как в той передачи, «везде с собой берет видеокамеру», – скривившись, как от кислоты, отдаю телефон назад.

– Это очень верная политика, – качает головой Денис. – Создает впечатление искренности и прозрачности. Даже моя семидесятилетняя бабушка на него подписана.

– Дичь... – прикладываюсь затылком об подголовник.

– У вас теперь тоже будут аккаунты в социальных сетях, – невозмутимо продолжает Веталь. – Через пол часа назначена первая фотосессия. Ещё одна – сразу после праймериз.

– Основной стратегией вашего продвижения станет полная противоположность господину Вильдеву. – Подхватыва-

ет Ариель. – Возраст, стабильность, опыт, семейные ценности. Будем максимально освещать вашу семейную жизнь...

– У меня нет семейной жизни! – Резко прерываю девушку. – Не женат и никогда не был.

– Все уже прекрасно знают, что у вас есть сын, – задумчиво смотрит в экран своего ноутбука Веталь. – Я тщательно слежу за упоминанием вашего имени в сети, но поверьте. Ничего не поможет, если всплывет какой-то неприглядный факт о ребёнке.

– Черт... – проглатываю маты. – Окей. Сын есть, но его мама сейчас хрен знает где.

– Уговорите! – Плюхается на стул моя пиарщица. – Предложите денег...

– Она не подходит, – Веталь разворачивает к нам с Ариель свой ноут.

Я понятия не имел, что у Марины есть инстаграм с кучей подписчиков.

– Да уж, – разочарованно тянет пиарщица. – Примерно сотня тысяч человек видели ее голую задницу и знают врача, у которого сделана грудь. Мимо. Местные актрисы? – Вопросительно кивает Денису, который явно тоже находится под впечатлением от экстравагантности Марины и каждый раз дергается.

– Не подойдёт, – отрицательно качает головой. – Местные – вообще не вариант. Город маленький.

– Тогда я сама займусь вопросом, – авторитетно поджи-

мает губы Ариель. – Нам нужна домашняя, симпатичная, с неидеальной фигурой и благородной профессией. Какой у вас рост?

– Сто семьдесят пять, – отзываюсь, начиная закипать. – Но с чего вы решили, что я подпущу к своему ребёнку постороннего человека?

– Значит, по подбородок где-то сто шестьдесят пять... – что-то записывает в планшет, игнорируя мой вопрос.

Если бы не гарантии Фёдора Григорьевича, то я бы давно рывкнул и послал умников в долгое эротические и пешее путешествие. Беру со стола ручку и перебираю ее между пальцами. Успокаивает.

– Борис Дмитриевич, – примеряющие вступает Денис. – У Василия сегодня одна няня, завтра будет уже другая. Просто скажите, что эта – ещё одна. Кстати, вполне можно уход за ребёнком добавить в обязанности...

– Поверьте нам, – Ариель открывает бутылку воды и закидывает ногу на ногу. – Такой формат политической легенды – самый выгодный для короткой дистанции. Мы знаем, о чем говорим.

– Я хочу сам выбрать, – обречённо рычу сквозь зубы, понимая, что эти клоуны правы. – Найдите трёх самых адекватных женщин и подготовьте договоры о неразглашении.

– Отлично! – Хлопает в ладоши Ариель. – А теперь – работаем. – Подхватывается с места, приносит с подоконника какой-то чемодан и плюхает его передо мной на стол. Начи-

нает молча доставать оттуда косметику.

– Это что? – спрашиваю с предупреждением в голосе.

– Это – лёгкий макияж для кадра. Чуть поправим тон кожи и сделаем поярче глаза...

– Все вон! – Меня срывает. Пластмассовая ручка ломается между моими пальцами пополам. – На сегодня СВОБОДНЫ!

– Веталь, отмени фотографа, – невозмутимо складывает назад вещи Ариель.

– Кофе? – Оглядывается в дверях Денис.

– Ни в коем случае! – Не даёт мне ответить Ариель. – Найди ему нормального массажиста.

За командой «клоунов» закрывается дверь, а я в тихом психозе швыряю дротики в мишень.

Яблочко. Ещё. Десятка... Ну и черт с ней. Наклоняю голову в разные стороны, разминая позвоночник и ухмыляюсь. Нет... Они не клоуны, Басов, клоун здесь один – это ты. Слуга народа. Парадная лошадь.

Глава 8. Полный финиш

Борис

– А теперь задумчивый взгляд в окно, – командует моя пиарщица, – да, вот так, отлично. Руки в карманы, и против света.

Справа раздаются щелчки затвора фотоаппарата.

– Верхние пуговицы рубашки ему расстегните, рукава закатайте, – кивает фотограф, – ещё чуть взлохматьте волосы. Типо он устал после рабочего дня.

– Мне кажется, что достаточно, – шиплю сквозь зубы, пока Ариель расстёгивает пуговицы.

Я снова с трудом сдерживаюсь, чтобы всех не послать, потому что вообще не люблю, когда меня трогают посторонние.

Кисть с пудрой порхает по носу.

– Это последняя серия... Потерпите. Нужно заполнить соц. сети.

– Хорошо... – сдаюсь с тяжёлым вздохом.

Замираю в неестественной позе перед окном. Почему-то именно в такие моменты всегда хочется почесаться или чихнуть. Мышцы шеи сводит от напряжения, а в горле начинается неприятно першить. Сглатываю, прислушиваясь к ощу-

щениям. Неужели заболеваю? Вовремя. Ничего не скажешь. Надо чего-нибудь купить, чтобы завтра не слечь.

Делаем несколько снимков с разных ракурсов.

– Все!

– Отлично! – С раздражением подхватываю пиджак и выхожу из кабинета, громко хлопая дверью.

Хорошо, что в распоряжении моего предвыборного штаба целое крыло небольшого бизнес центра, и люди сюда не ходят. Я не люблю людей. Кидаю взгляд на часы. Шесть вечера. Все бизнес ланчи благополучно пропущены, а ждать заказы в кафе некогда. Ужин откладывается. Сегодня ещё речь учить и разбирать отчеты по торговому центру.

На входе в здание тусуются мужики из соседних офисов. Рядом с ними трутся женщины из местных салонов красоты. Маникюрши, парикмахерши. Громкий смех, глубокие декольте. В нос бьет резкий запах сигаретного дыма и дешевых духов. Местная курилка. Все понятно.

Огибаю прокрастинирующее сборище и направляюсь в сторону аптеки через дорогу. Чувствую заинтересованные острые взгляды в спину.

На сегодня мне однозначно достаточно общения с противоположным полом. Бесят продажные туповатые бабы, которые вешаются на шеи. Нажрался этого за глаза и за уши. Вспоминаю утренние собеседования с кандидатками на роль «жены» и передергиваю плечами.

Все не то. Зря потраченное время.

А, собственно, когда мне последний раз было «то»? Напрягаю память и «то», что она мне подкидывает, меня категорически не устраивает.

Вчерашняя врачиха из частной клиники. С первого взгляда показалась мне такой прям чистенькой, порядочной. Юбочка, блузка на все пуговицы до горла. Глаза наивно распахнутые карие. Но нет... Пришла с подружкой мужиков клеить в правительственную столовку. Хитро. Нехотя признаюсь сам себе, что первым порывом думал познакомиться поближе. Порезвиться разок – другой под одеялом и разойтись. Но она зачем-то решила меня бесить и провоцировать. А с нервами у меня беда. Ничего, теперь посидит дома пару месяцев в качестве воспитательной меры. Продумает.

Где-то очень тихо оживает моя совесть, пытаюсь вякнуть, что на самом деле девушка была права, и проблема не в ней, а в том, что я «так себе отец»... А вот к черту эти высокие чувства! Только пустишь их в душу, они потом на шею перебираются и топят, топят, пока не захлебнешься.

Рывком открываю дверь и захожу в аптеку.

– Здравствуйте! – В окошке мелькает голова молоденькой девушки. – Что вам подсказать?

– Что-нибудь нормальное, – откидываю взглядом витрину, – от горла. Для профилактики. И порошок для заваривания кипятком от простуды.

– Вот эти пастилки для рассасывания попробуйте. – На прилавок плюхается картонная пачка и пакеты. – Я сама ими

пользуюсь.

– Спасибо, – забираю. – По карте оплата.

Под удивлённый взгляд девушки прикладываю телефон к терминалу и выхожу на улицу. Что ж тут все такие дикие.

Достаю из пачки сразу две таблетки и кладу в рот. Скулы сводит от одновременной кислоты и сладости. Гадость какая.

Возвращаюсь в офис, и к своему облегчению нахожу там только Дениса.

– Свалили идейные? – Киваю на дверь кабинета.

– Так шесть часов же, – жмёт виновато плечами. – Сильно здесь никто не задерживается...

Его последние слова тонут в грохоте перфоратора за стеной.

Мы, охреневая, ждём когда шум закончится, и будет возможность говорить. Через минуту становится тихо.

– Это что такое? – Интересуюсь, чувствуя, что начинаю тихо звереть. Поработал, блин! – Разве ремонтные работы разрешены в рабочее время?

– Так бизнес центр до шести, – подскакивает из кресла мой помощник. – Можно сходить, поговорить...

Его слова снова съедает шум.

– Не надо! – Повышая голос, торможу его жестом. – Я сам!

Выхожу из приемной и пересекаю коридор до лифтов. С силой жму кнопку. Меня аж колотит. Пока еду в кабине, представляю, как размажу соседей по стене. Не договоримся – съедут.

Двери открываются, и меня сразу же обдаёт облаком цементной пыли. Под ногами хрустит мусор. «Дррдrrrrr» разрывает уши.

Дохожу до комнаты с источником шума, дожидаясь тишины, и только открываю рот, чтобы высказать двум мужикам в робах все свои претензии в грубой, обличительной форме, как понимаю, что не могу произнести не звука. Открываю – закрываю рот и не чувствую ни связок ни языка.

– Тебе чего, мужик? – Вытирает руки об штаны один из рабочих, тот, что постарше.

В панике обхватываю рукой горло. Это что за фигня ещё такая? Снова пытаюсь говорить, но слышу только собственный сип.

– Немой походу, – выдвигает предположение второй рабочий. – Ты вот, – достаёт грязными руками из кармана кусок картона, подходит ко мне ближе и подаёт. – Пусть позвонит кто-то, если ты по ремонту. Договоримся.

Ошалело забираю убогую визитку. Это, кажется, финиш...

Глава 9. Не плюй в колодец...

Борис

– Я прошу прощения, – растеряно хлопает глазами администратор, – начальства уже нет на месте. А сегодня неожиданно ушла в отпуск одна врач, и ее пациентов раскидали между всеми. Ещё трое без записи с острым отитом. Вы даже к кабинетам не пройдёте – растерзает очередь...

– Все понятно! – скриплю зубами, сдерживая злость. – Не город, а дикари... – разворачиваюсь к Денису, который обзванивает частные кабинеты и государственные поликлиники. – Ну что там?

– Трубки не берут. Рабочий день окончен... – жмёт плечами. – Завтра в восемь утра только.

– Я в двенадцать... – проглатываю маты, – Должен затираться с трибуны о светлом будущем. И делать я это должен громко и убедительно.

Выходим из клиники и садимся в машину.

– Домой? – Вкрадчиво спрашивает помощник.

– Нет, – качаю головой, – давай кофе выпьем. От горячего, может, полегче станет.

Заезжаем в какой-то торговый центр, где есть кофе на вы-

нос. Очередь – человека четыре. Выбирают долго вкусы, какие-то добавки. Ещё одна баба никак не может понять разницу между латте и рафом. Достаяю из кармана телефон в надежде абстрагироваться от ситуации хотя бы ненадолго, скольжу глазами по кассам и на одной вижу знакомое женское лицо. Точно! Меня окатывает мандраж, это же та «подруга» врачихи из клиники.

Срываюсь ей наперерез.

– Добрый вечер, – мой голос сипит, как у маньяка в телефонной трубке. Девушка вздрагивает и выпускает из рук пакет.

– Ой, мамочки! – Прижимает руки к груди. – Вы чего кидаетесь?

– Извините, – я немного теряюсь и помогаю собрать выпавшие продукты в пакет.

– Что вам нужно? – Девушка смотрит на меня воинственно, – Хотя, судя по голосу, ясно что. Извините, помочь ничем не могу. Приемы завтра с девяти утра. – Разворачивается и собирается от меня слинять, но я успеваю вцепиться в пакет.

– Подождите, – на сколько могу выдаю звук, – мне нужен лор. Срочно. Я в безвыходном положении и хорошо заплачу, но завтра в двенадцать я должен говорить.

– Зачем? – Мстительно прищуривается. – Вообще, лор вам однозначно не поможет. У вас не ангина и не фарингит. Нужен фониатр.

– Кто-кто? – Переспрашиваю.

– В любом случае, – девушка вежливо оскаливается, – они есть только в Москве. А ту единственную, что была у нас, вы сегодня отправили в отпуск.

Да ладно! До меня медленно доходит, что передо мной стоит тоже врач.

– Давайте, – тянусь за бумажником и достаю оттуда сто баксов, – я вам заплачу. Скажите, что нужно делать.

– Мне правда жаль, – она качает головой, – Я – отоларинголог, и могу вам сказать только то, что вы не больны, судя по тону охриплости. Это вам к Ане. А я бы на ее месте, не стала помогать, поэтому, извините... – пытается меня обогнуть, но я не даю.

– Дайте мне ее адрес, – пытаюсь засунуть купюру ей в пакет.

На нас начинают оглядываться люди. Видимо, смотримся мы и правда комично. Мужик суёт бабе деньги, а она не берет. Кто вообще в наше время от них отказывается?

– Заберите! – Девушка вскипает, а я вскидываю вверх руки.

– Пожалуйста, – сглатываю, потому что горло сводит сухостью. – Я сам попробую договориться. Извинюсь...

– Ладно... – кивая, она сканирует меня внимательным взглядом. – Улица Радищева дом шесть, квартира двадцать. Наверняка, Аня дома. И я советую вам быть очень убедительным в своих извинениях.

– Как скажете, – киваю, – спасибо большое.

– Удачи! – Фыркает и, все-таки обогнув меня, устремляется на уличную парковку.

– Спасибо, – говорю ей в след и тоже иду на парковку, только внутреннюю платную. Там ждёт Денис.

– Вы не купили кофе?

Парень оглядывает мои пустые руки, когда я сажусь в машину.

– Кофе не купил, зато врача нашёл. – Сам лично вбиваю ему в навигатор домашний адрес Ани. Ани... А что если правда пошлёт? Или помогать не станет? Не может быть. Она же клятву давала. «Но не тебе же!» – оживает ехидный внутренний голос. Это точно.

– Это чей-то домашний адрес? – Оценивает координаты Денис и хмурится. Вы уверены, что домашние кабинеты – это безопасно? Я бы вам не рекомендовал...

– Поехали, – с нажимом перебиваю его, – это адрес той врачихи, что племянницу твою лечила.

– Ого, – вскидывает брови помощник, – а я так понял, что это именно она в отпуск ушла.

– Да, – подтверждаю его слова, – Это я ей помог. Мы не сошлись в принципах лечения детских простуд.

– Хм... – неопределённо отзывается парень, но, наконец, заводит машину и выезжает с парковки.

Я не собираюсь дальше комментировать ситуацию.

Единственное, за что можно однозначно любить этот город, так это за отсутствие пробок. До места назначения,

практически в другой район, доезжаем за каких-то пятнадцать минут.

– Мне пойти с вами? – Денис глушит мотор.

– Нет! – Решительно открываю дверь. – Может испугаться и не открыть совсем. Будь на телефоне.

Возле подъезда мне везет, и я успеваю проскочить внутрь следом за какой-то степенной дамой в платье с жабо и старомодной «ракушкой» на голове.

Мы заходим в лифт вместе.

– Вам какой, молодой человек? – Интересуется она высокомерно.

– Пятый, – сиплю и сам жму кнопку, соображая, что да, именно он, раз на этаже по четыре квартиры.

– Тогда, становитесь глубже, – безглаголиво ведёт чёрной карандашной бровью, – мне выходить на четвёртом.

Старый лифт едет медленно, и все это время я гоняю в голове, как начать с девушкой разговор. С извинений? Черт! Ну это совсем не в моем стиле. Сразу денег предложить? А если не нуждается? Значит, надо дать столько, ухмыляюсь сам себе, чтобы начала нуждаться.

Двери со скрипом разъезжаются, и я выхожу на широкую лестничную площадку. Здесь плохо работают вытяжки и раздражающе пахнет специями и мясом. Мой живот возмущённо урчит. Ладно, соглашаюсь с ним, аппетитно пахнет, но нам пока еда не светит.

Подхожу к нужной квартире и откидываю взглядом дверь.

Старенькая железная, обитая искусственной кожей на синтепоне. Деньги должны быть кстати. Решительно жму звонок.

Спустя минуту до меня доносится скрежет замка и дверь приоткрывается. Запах еды становится отчетливее.

Ух! Я на несколько секунд даже теряю дар речи, потому что девушка, появившаяся на пороге, стоит передо мной в тонком шелковом халатике, под которым явно ничего нет, и с полотенцем на голове. Я скольжу взглядом по ее длинным голым ножкам вверх... Гладкая фарфоровая кожа, ни грамма лишнего веса – статуэточка. Босая. Щиколотки и запястья тонкие. Очень я люблю такие...

– Что вы здесь делаете? – Она возмущённо повышает голос и отвлекает меня от приятного созерцания. – Хотя, это не важно. Всего хорошего! – Пытается захлопнуть дверь, но я успеваю подставить ногу.

– Подождите! – Напрягаю горло. – Ваша подруга сказала, что только вы можете помочь.

Девушка выжидающе складывает руки на груди.

– Ксюша? – Удивленно взлетают брови.

– Да, – киваю активно, хотя и не знаю имени.

– Ну... проходите. – Тянет с сомнением и отступает вглубь квартиры, разрешая мне войти.

Глава 10. Незваные гости

Аня

– У вас минута, – поджимаю губы и складываю руки на груди в замок.

Поза, мягко говоря, невежливая для беседы, но была бы моя воля, я бы скрестила ещё ноги и все пальцы между собой, на всякий случай. Лишь бы этот заносчивый тип понял, что я не имею ни малейшего желания с ним вести диалоги. А ещё мне очень неловко стоять почти голой перед незнакомым мужчиной. И пусть он не знает, что под халатом у меня сейчас надеты только трусики, но я то знаю! И это предаёт ситуации некоторую пикантность...

– У меня пропал голос. – Сипит мой незваный гость. – А завтра я должен обязательно говорить. У меня праймериз, и без хорошего выступления, получить поддержку однопартийцев мне будет непросто.

– Ну что я вам могу сказать, – я мстительно прищуриваюсь и внутренне ликую. Да, это непрофессионально, но не умирает же он в самом деле. – Все справедливо. Я осталась без работы, и вы, видимо, тоже скоро будете.

– Я хорошо заплачу... – утробно рычит мужчина и сжи-

мает зубы.

Пффф!

– Что вы, – говорю елейно, – себе оставьте. У вас ребёнок, жена красивая. Вдруг бедного разлюбит. А это вы, наверно, кричали просто много?

Губы Бориса кривятся в оскале. Кажется, переборщила...

– Извините, – опускаю глаза. – Если будет плохо, просто вызовите скорую...

Мужчина открывает рот, набирает в лёгкие воздух и тут же хватается за основание горла.

Я понимаю, что ему становится тяжело дышать.

– Вот за что вы на мою голову свалились! – Хватаю его за руку и тащу в ванну. Он не сопротивляется, видимо, правда совсем накрыло.

Выкручиваю кран горячей воды на полную мощность и затыкаю пробкой ванну, чтобы от воды поднимался пар.

– Дышите, как можно глубже, – говорю Борису и бегу на кухню вызывать скорую помощь.

Пока разговариваю с диспетчером, нахожу антигистаминное, наливаю стакан воды и несую своему пациенту.

– Сколько вам лет? – Передаю ему вопрос оператора, но Борис отрицательно качает головой.

– Мне лучше, не нужно скорую.

– Но... – я даже не могу найти слов, чтобы ему возразить.

– Я сказал не нужно, – повторяет агрессивно.

– Ну и черт с вами! – Восклицаю с досадой. – Девушка, –

обращаюсь в трубку, – отмените вызов. Пациент отказался от помощи. – Отключаю звонок и всовываю в руки мужчины таблетки со стаканом.

– Пейте и выметайтесь. Не хватало, чтобы вы тут ещё копыта откинули!

Разворачиваюсь и выхожу из ванны, громко хлопнув дверью.

Навернув по кухне нервный круг, не выдерживаю и возвращаюсь.

Борис сидит на полу облокотившись на кафельную стену.

– Как вы? – замираю в дверном проёме.

– Ощутимо лучше, – он кивает головой. – Что вы мне дали?

– Таблетки от аллергии. Можно, я вас осмотрю? – осторожно приближаюсь к мужчине и присаживаюсь рядом. – Рот откройте.

Ощупываю пальцами его лимфоузлы и чувствую, как Борис напрягается.

– Не дёргайтесь, – хмыкаю, – мне тоже не сильно нравится вас наглаживать. Голову чуть запрокиньте.

Он исполняет, и теперь мы с ним совсем близко. Неприлично. В мой нос проникает запах его одеколona. Он глубокий, мускусный, смешанный с запахом мужского тела.

Мне приходится укусить себя за внутреннюю часть щеки, чтобы прийти в себя.

– У вас спазм связок, видимо, на фоне нервного напряже-

ния. – Говорю и слышу свой «севший» голос, будто со стороны. – Чем пытались лечиться? – Поспешно отдергиваю руки от мужчины и отстраняюсь.

«Да что с тобой, Аня!» – Мысленно злюсь сама на себя. – «Мужиков красивых никогда не видела что ли?»

Видела. Мой бывший муж был очень красивым. Неприятные воспоминания прилично осаживают мой пыл.

– А вот... – Борис достаёт из кармана блистер. – Две успел только съесть.

Я забираю у него таблетки и уже по цвету понимаю, что они со вкусом мёда и лимона.

– Вам очень повезло, – делаю голос серьёзным, – что вы съели только две таблетки. Иначе, – я развожу руками, – могли бы до меня уже не доехать. Аллергия на мёд у вашего сына, по всей видимости, наследственная.

– Ненавижу мёд... – Борис поднимается на ноги. – И как это лечить?

– Отдыхать...

На его губах появляется ехидная усмешка.

– А ещё выпить молоко на ночь и помирится со всеми врагами?

– Зря вы так, – жму плечами. – Идите за мной на кухню. Попробую вас «заговорить».

Сидя в своём дорожном костюме за маленьким деревянным столом в кухне на шесть квадратных метров, Борис выглядит очень комично. Почти, как инопланетянин в русской

избе.

– Пейте, – подаю ему таблетку релаксанта и, поспешно убираю со стола тарелку с пловом.

Поединать спокойно не удалось.

– Спасибо, – он как-то слишком внимательно следит за моими действиями, чем окончательно меня смущает.

– Я выйду в комнату... Переодеться.

– Конечно...

Меня просто сдувает ветром.

В спальне первым делом я почему-то подлетаю к зеркалу и пытаюсь оценить своей внешний вид, в котором предстала перед Борисом. Я сошла с ума? Да мне должно быть наплевать, как и ему. При других обстоятельствах он бы никогда не вспомнил обо мне. Сдергиваю с головы полотенце и немного расчесываю пальцами волосы. Они приятно пахнут шампунем. И только я собираюсь сменить халат, на что-то более приличное, как во входную дверь начинают громко тарбанить.

Это что за хулиганство?!!

Я вылетаю в коридор. Старый замок дрожит на каждый удар кулака. Быстро отщёлкиваю его, пока не доломали, открываю дверь и вижу на пороге делегацию из трех женщин почтенного возраста и одного мужчины в форме.

– Вот! Я же говорила! – Воскликает одна из старух. – Квартиру в притон превратили. Мужчин принимают!

Моя челюсть «падает».

– Добрый вечер, – обращается ко мне участковый. – К нам поступил сигнал, мы обязаны проверить. Могу я посмотреть ваши документы?

Глава 11. Уговор дорожке денег

Борис

– Я выйду в комнату? Переодеться...

Неосознанно отягивает свой мини-халатик вниз, пытаясь перекрыть колени. Ух ты, вау! Я едва сдерживаюсь, чтобы не ухмыльнуться. Разве такие скромницы ещё в природе существуют? Прямо хоть в красную книгу её красные щеки занеси.

– Конечно... – киваю и провожаю внимательным взглядом.

Она буквально сбегает от меня в комнату. А мне, как мальчишке, хочется пойти следом и подсмотреть, как девушка будет переодеваться. И наверно, с любой другой женщиной я бы воспринял побег в спальню под предлогом «переодеться» за откровенный флирт и не стал бы отказывать ни себе ни ей в удовольствии. Но это точно не приглашение.

И да, я почти забыл о своём больном горле, и даже о том, что если бы не эта шарлатанка... (Ну ладно, не шарлатанка она.) То я бы имел все шансы заработать отек Квинке. А сейчас мне ощутимо легче.

– А! – Резко выдыхаю звук, и то, как он звучит, меня уже определенно радует. – А! – Повторяю попытку и вздрагиваю

от резких стуков во входную дверь.

Выходить из кухни не спешу. Мало ли кто. Может, у девчонки жених буйный или муж? Но кольца на пальце, вроде, не было... Короче, подставлять лицо под чей-то ревнивый кулак мне совершенно не хочется.

Я слышу, как Аня выбегает в прихожую и открывает дверь.

– Вот! Я же говорила! – раздается уже откуда-то знакомый мне голос. – Квартиру в притон превратили. Мужчин принимают!

Очень интересно... Я напрягаюсь. Почему-то сейчас, мне хочется защитить женщину. Ну не похожа эта пугливая лань на жрицу любви. Я их нажрался и теперь по запаху отличаю.

– Добрый вечер, – добавляется мужской мерный голос. – К нам поступил сигнал, мы обязаны проверить. Могу я посмотреть ваши документы?

– Она здесь не живет! – снова раздается женский. – Эта квартира Брягиных.

Не выдерживая, я подхожу к двери кухни. Появляться в коридоре не понимая всей ситуации, не решаюсь. Меньше всего сейчас хочется стать героем репортажа о домашних мошенниках. Потому что люди воспринимают суть написанного текста через слова-триггеры, а запоминают так вообще только последний абзац. По этой причине лучше не попадаться своей фамилией в пару к эмоционально-отрицательным сочетаниям.

– Все верно, – наконец-то оживает ошарашенная Аня, – Ксюша – моя лучшая подруга. Я приехала к ней в гости. И документы мои посмотреть тоже можно, – она подходит к своей сумочке, висящий на вешалке, и достаёт от туда паспорт. Вот...

На какое-то время в коридоре наступает молчание.

– Прошу прощения за беспокойство, – чеканит мужской голос. – отдыхайте.

– И вы даже не зайдёте в квартиру? – Возмущённо задыхается женский голос, а я вспоминаю, что он принадлежит той самой противной тетке, что ехала со мной в лифте. Выходит – проследила куда я пошёл. Ну офигеть. Я посмеиваюсь. Иногда бабки работают лучше разведки.

– Для входа в квартиру нужен ордер, а у нас его нет, – успокаивает противную старуху, очевидно, полицейский.

Дальше входная дверь хлопает и голоса стираются.

Я выхожу к Ане в коридор. Она стоит, прислонившись спиной к стене.

– Давно так не нервничала, – хмыкает и поднимает на меня свои глазищи. Красивые, миндалевидные с длинными ресницами.

Неожиданная мысль растёт во мне, как цунами, и прошивает ознобом.

– Вы не местная, Аня? – Задаю первый вопрос.

– Из Москвы, – отвечает нехотя. – Слышу, что вам полегчало. Пойдёмте, отрежу на всякий случай вам ещё по таблет-

ке, вдруг снова накроет... – Друзья, знакомые? – Перебиваю ее желание плавно соскочить с темы. – Родители?

– Только Ксения, – отвечает растеряно. – Мама живет в другой стране.

– А почему приехали сюда? Да ещё и надолго.

– С чего вы решили, что я здесь надолго? – Она хмурится.

– С того, что вы нашли работу, – я жму плечами.

– В любом случае, – она вздёргивает подбородок и смотрит на меня с вызовом, – благодаря вам, работы у меня нет.

Извиниться. Вот сейчас, наверно, стоило бы это сделать, но я озвучиваю совершенно другое.

– Я хочу предложить вам работу.

– Хм? – Ее брови удивленно взлетают вверх, а глаза становятся еще больше.

– Вы не замужем?

– Какое это имеет значение? – Она ощетинивается.

– Ответьте, – говорю с нажимом.

– Ну, предположим, что нет, – складывает руки на груди, закрываясь от меня.

– Мне нужна жена, – говорю «в лоб», – на три месяца. До выборов и после, пока интерес плавно не спадёт. В задачи будет входить полноценная роль моей супруги на публике и присмотр за сыном.

– Вы, наверно, шутите, – я вижу, как девушка пытается продышаться от эмоций. – Сначала вы лишаете меня работы, а услышав, что у меня проблемы с финансами, решаете

купить? Ну знаете!

– Не купить, – маниакально наслаждаясь ее праведным гневом, я достаю телефон. – Я предлагаю вам сыграть роль моей жены на время предвыборной кампании. Вот такая сумма, – я жму кнопки на экране, мысленно прикидывая, сколько нужно молодой женщине и умножаю сумму на пять, – вас бы устроила?

Ее лицо вспыхивает ещё ярче, пока она смотрит на экран телефона. Слишком долго смотрит, чтобы отказаться.

– Ну так что? – Решаю немного ускорить процесс принятия решения.

– Я согласна, – коротко кивает и на секунду прикрывает глаза. – Только я хочу гарантий. Какой-то брачный договор, что мы с вами через три месяца разойдёмся, и деньги я хочу получать частями в процессе. – Выдаёт она на одном дыхании.

Почему-то в моей голове проскакивает мысль, что девушка боится брака. Очень интересно...

– Конечно, – подтверждаю ее условие. – Все так и будет.

– И... – она прикусывает свою губку, опуская глаза. – И никакого интима...

– Нам придётся касаться друг друга и целоваться на людях, – оставаясь внешне серьёзным, жму плечами.

Но на самом деле меня откровенно забавляет острота реакции взрослой девушки на эту тему. Будет – не будет, какая разница? Но провоцировать ее – это будет, как минимум, за-

бавно.

– Хорошо... – она коротко кивает. – Когда приступать?

– Завтра будет готов договор. Но перед этим вас ещё должны одобрить мои пиарщики и служба безопасности.

– То есть, я ещё и не подойти могу? – Прищуривается.

– Можете, – отвечаю невозмутимо, – но если нет судимостей, компрометирующих фактов биографии, вредных привычек и брошенных детей, все будет в порядке.

– Как великодушно... – ехидно поджимает губы. – Мне просто завтра с утра нужно выйти на новую работу, – добавляет робко. – В кабинет стоматологии.

– Позвоните и предупредите, что не выйдете, – я равнодушно жму плечами. – Зачем эти сложности?

– Ну если вам резко полегчало, – она гневно сверкает глазами, – то это не значит, что всех остальных можно бросить с острой болью!

– У вас есть время до двенадцати дня, – чувствуя, что от голода у меня снова подводит живот, разворачиваюсь и стремительно иду к выходу. – Вот моя визитка. Отправьте сообщение откуда вас забрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.